

УДК 94(470)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-47-62

Личные деньги и их источники:
к вопросу о материальном положении
политических ссыльнокаторжных
на Нерчинской каторге в 60–70-х гг. XIX в.

Алексей С. Гулин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, asgullin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются источники собственных денежных средств, как один из важнейших факторов обеспечения и облегчения материального положения политических ссыльнокаторжных в условиях содержания на Нерчинской каторге 60–70-х гг. XIX в. На основе широкого круга архивных, мемуарных и эпистолярных источников, законов, правил и распоряжений правительства и местной администрации автором впервые выявлен весь круг доступных путей обеспечения собственными деньгами политических каторжных: определены законные и незаконные способы их получения. Наряду с вновь выявленными архивными материалами, таким как отчеты и переписка Нерчинского коменданта о личных деньгах политических каторжных, в статье вводятся впервые в научный оборот, ранее неизвестные российским исследователям: семейная переписка итальянца Луиджи Кароли и дневник Э. Андреоли опубликованные в книге А. Занки «Драма Луиджи Кароли» [1].

Ключевые слова: собственные денежные средства, политические ссыльнокаторжные, политические преступники, государственные преступники, участники польского восстания 1863–1864 гг., казенное пособие, Нерчинская каторга, Восточная Сибирь, Забайкалье

Для цитирования: Гулин А.С. Личные деньги и их источники: к вопросу о материальном положении политических ссыльнокаторжных на Нерчинской каторге в 60–70-х гг. XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 47–62. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-47-62

Personal funds and its sources:
to the question about the material situation
of the exiled convicts of political Nerchinsk katorga
in the 60–70 years of the 19th century

Aleksei S. Gulin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
asguiln@mail.ru*

Abstract. The article examines personal income sources as one of the main factors that ensured and alleviated financial situation of political exiles to Nerchinsk katorga of 1860s–70s. Based on a wide range of archives, memoirs and epistolary sources, as well as legal acts and laws, the whole range of ways, available for political convicts to provide for themselves financially, has been revealed for the first time: legal and illegal ways of obtaining money have been determined. Along with the newly discovered archival materials, such as reports and correspondence of one Nerchinsk commandant about personal funds of political convicts, for the first time in scientific practice the article introduces previously unknown to Russian researchers: personal correspondence of Italian native Luigi Caroli and a diary of E. Andreoli published in Italy in a book by Angiola Zanchi “The Drama of Luigi Caroli”.

Keywords: personal money, political exiles, political criminals, state criminals, participants of the Polish uprising of 1863–1864, state allowance, the Nerchinsk katorga, Eastern Siberia, Transbaikalia

For citation: Gulin AS. Personal funds and its sources: to the question about the material situation of the exiled convicts of political Nerchinsk katorga in the 60–70 years of the 19th century. *RSUH/ RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series.* 2018;6(39):47-62. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-47-62

Введение

Период 60–70-х гг. XIX в. в истории политической Нерчинской каторги характеризуется наряду с массовой ссылкой в каторжные работы участников польского восстания 1863–1864 гг. и российских деятелей революционно-демократического движения¹, учреждени-

¹ В статье под термином «политические ссылнокаторжные» понимаются как собственно «политические», так и «государственные преступники», т. е. вообще все сосланные на каторгу по политическим мотивам.

ем временного комендантского управления на Нерчинских заводах, устройством новых каторжных заводов для их содержания, а также высочайшим утверждением и введением новых особых правил и регламентов. Наряду с вводом правительством временных правил о порядке перевозки и этапирования, для политических ссыльных вводились новые особые привила о корреспонденции, ее надзоре и цензуре и правила о пособиях от родных.

В исследованиях прошлых лет, посвященных этому периоду политической каторги, не уделялось должного внимания ни собственно самому материальному положению политических ссыльнокаторжных, ни их личным деньгам как несомненно важному средству облегчения их режим содержания. Среди ряда исследований можно выделить работы Г. Скока, Э. Качинской и З.В. Мошкиной [2, 3, 4, 5], так или иначе освещавших условия содержания этого контингента политических ссыльнокаторжных, но в данных трудах можно констатировать, пожалуй, только постулирование некоторых подробностей материального быта. В этих работах не более чем упоминается лишь, что политкаторжане имели казенное содержание и могли получать раз в месяц из своих средств по 25 руб., что при месячной стоимости питания в 2,1–4,5 руб.² [2 s. 132], как утверждает Скок, пособие в 25 руб. покрывало более чем потребности каторжника. Были ли какие другие источники получения денежных средств – авторы не рассматривают. Почему выдавалось 25 руб., а не 20 или 40? Какими критериями оценить достаточность материального положения? По каким параметрам можно сравнить их материальное положение с положением тех же сосланных политических преступников на поселение, житье, водворение или с положением общеуголовных каторжников?

При поиске ответов на все эти вопросы для более или менее объективной, а не гипотетической, оценки материального положения политических ссыльнокаторжных, автор считает, что прежде чем переходить к обобщениям для формирования общей картины, необходимо исследовать сегментированно конкретные условия и обстоятельства, влиявшие на него, в том числе выявить все источники собственных денежных средств, как законные, так и незаконные, или полуполюгальные.

² Г. Скок вывел эти цифры, сложив казенные кормовые со стоимостью выдаваемой каторжнику ежемесячно порции муки в зависимости от колебания цен в разные годы, но сам он этого не уточняет.

Источники собственных денежных средств законного характера

Казенное содержание – кормовые. В первую очередь законным источником личных денежных средств было казенное пособие каторжника в виде кормовых денег – 75 коп. в месяц, кроме которых выдавались еще арестантская одежда, 22 пуда 20 фунтов муки и 2 п. 10 ф. крупы в год, что отражено было в отчетах заведующих над политическими каторжниками формулировкой напротив фамилии заключенного: «Получает платы 75 коп. и два пуда провианта в месяц» [6 с. 155]. Сумма этого месячного казенного пособия определялась ежегодно составлением МВД таблицы арестантского содержания для данной губернии или области на основании среднегодовых цен, в Забайкальской области такая норма была 2,5 коп. в день. Главным назначением такого кормового довольствия было приобретение каторжниками, в зависимости от их нужд, дополнительного питания: мяса, овощей, сахара, чая, соли и т. п.

Деньги, получаемые за каторжный труд. Вторым легальным источником личных денежных средств были деньги, получаемые за каторжную работу, при условии выработки *урока*, дневной нормы, часто таковая норма была формальностью, как и выполняемая работа, вне экономической целесообразности, целью которой было соблюдение карательной меры для политических, кои обязаны были употребляться в работы. В связи с недостатком работ при огромном скоплении к 1866 г. в Восточной Сибири политических каторжан в числе 2749 человек [7 л. 162–164], а из них до 1500 в Забайкалье [2 с. 116], на Нерчинской каторге, на такие урочные работы политические выходили, как правило, один раз в три или четыре дня, для чего каторжный контингент завода разбивался на три-четыре команды. Поденная плата была небольшой, 20–26 коп. [8 с. 157; 9 с. 40], но значительно превышала казенные кормовые. Оплата каторжного труда экономически стимулировала бедную часть каторжников, не получавших пособий от родных, исправно исполнять такую работу. К сравнению, поденная оплата труда вольнонаемного черноработного по строительным сметам 1866 г. Нерчинского горного правления составляла 38 $\frac{3}{4}$ коп., а квалифицированного, например, плотника – 65 коп. [10 л. 533]. Иными словами, труд каторжника оплачивался вдвое ниже самого низкооплачиваемого неквалифицированного работника. Часть из полученных за свой труд денег каторжный должен был внести в артельный капитал,

т. е. общественную кассу³, в Петровском заводе, например, размер такой части составлял 10% [9 с. 40].

Деньги, привезенные на каторгу ссыльными с собой. Следующим законным источником собственных денежных средств были деньги, привезенные политическими каторжниками с собой. Отправляясь в ссылку из дома или из близлежащих мест, политический шел снабженный деньгами и вещами первой необходимости: одеждой, табаком, книгами и т. п. Его поклажа порою достигала таких размеров, что одному человеку нести ее было не под силу. Доктор Б. Дыбовский вспоминал о своей дороге на каторгу:

Еще большую поклажу имел при себе Зигмунт Суминский, особо большой чемодан, с постелью, бельём, ковриками, одеждой, затем ящик с библиотекой. Кто бы мог подумать, что подобные сундуки и чемоданы власти позволят взять с собой [12 с. 40].

Богатые кроме денег имели при себе ценные личные вещи из драгоценных металлов: золотые часы, ложечки, запонки, зажигалки, заколки для галстука, в том числе золотые монеты. Особенно на первом этапе ссылки никаких ограничений по объему личного багажа не было – неси сколько сможешь нести. Ограничений по количеству имеющихся денежных средств тоже не существовало, за исключением того, что они должны были быть отданы на хранение начальнику этапироваемой партии, начальнику тюрьмы или коменданту каторги по прибытию к месту назначения, потому некоторые ссыльные, имевшие значительные денежные средства, держали их скрытно, везли при себе. Ограничительная мера в инструкции, возложенной на Нерчинского коменданта, без указания точной величины, предписывала наблюдать за каторжными преступниками и их женами,

³ Общественные кассы взаимопомощи существовали на Нерчинской каторге в этот период, как, например, «Огул выгнанцев» в Александровском заводе или в Акатуевском руднике, кассы в том числе существовали в Петровском заводе и д. Сивяково близ Читы. Исследование общественных касс выходит за рамки данной статьи. Взаимная финансовая поддержка союзников в отдельных заводах и рудниках состояла в сборе средств для улучшения общих условий содержания и главным образом для улучшения питания. В такие кассы отчислялось от 25% из личных денег, получаемых от родных, и 10% отчислений с иных доходов заключенных, впрочем, часто союзники уклонялись от таких взносов. Общественные или артельные деньги – предмет исследования для другой статьи [11 с. 11–53; 9 с. 41–42].

дабы они не могли привезти с собою или получать после больших сумм или ценных вещей [13 л. 34]. Так, Б. Дыбовский упоминает, что при нем было более 400 руб. серебром, а у Зигмунда Суминского на шее была большая ладанка с зашитыми в ней банкнотами [12 с. 30, 68]. У итальянца Луиджи Кароли, к примеру, при себе были банковские билеты по 1000 франков и золотые луидоры по 20 франков, зашитые в пояс; золотые ему удалось поменять в Тобольске на рубли со значительным дисконтом у частных лиц, иностранные же банковские билеты оказались не востребованы [14 с. 150; 15 р. 54–55]. В настоящем бедственном положении прежде всего находились политические каторжные из низших сословий, не имевшие особо денежных средств, и те из привилегированных сословий, кто был сослан на каторгу прямо из тюрем вдали от дома, куда были заточены при аресте или пленении (с чем был на тот момент, с тем и шел на каторгу – в прямом смысле нищим). Таким образом, деньги, взятые ссыльными с собою, были их необходимым страховым капиталом от горькой участи как по пути следования, так и на каторге.

Деньги, получаемые по почте от родных. Следом за ссыльными, буквально по пятам, шли денежные переводы и посылки в адрес сибирских губернаторов для выдачи адресатам.

Вопрос о пособиях от родственников политическим ссыльно-каторжным был инициирован правительством впервые вследствие ходатайства в III Отделение 31 октября 1863 г. министра иностранных дел князя Горчакова, по просьбе отца сосланного в каторгу Николая Эпштейна, Германа Эпштейна, председателя Совета Управления Варшавско-Венской железной дороги, проживавшего в Париже, передавшего свою просьбу через посланника России во Франции барона Будберга [13 л. 26]. Просьба влиятельного человека была удовлетворена достаточно скоро, но вместо 100 руб. в месяц в виде пособия для сына она была удовлетворена только в размере 25 руб. Выдача такого пособия была обоснована III Отделением высочайше утвержденным положением от ноября 1834 г. касательно ссыльных польских повстанцев 1830–1831 гг., по которому правила на счет доставления от родных денег и вещей распространялись и на сосланных в Сибирь польских мятежников. Несмотря на то, что, как и предшествующими правилами, так и «Уставом о ссыльных» собственные деньги не разрешалось выдавать на руки сосланному в каторгу, шеф жандармов князь Долгоруков предложил:

Хотя лица, состоящие на поселении, обязанные сами содержать себя, имеют надобность в больших средствах к жизни, а, следовательно, разрешение им получать от родственников до 1000 руб. асс. в год не

могло быть применено к состоящим в каторжной работе, получающим содержание от казны; но принимая в соображение ценность 1000 руб. асс. в 1826 году, ...признать возможным разрешить Эпштейну высылать сыну, через посредство Генерал-Губернатора восточной Сибири, пособие в том же размере, т. е. по 25 руб. сер. в месяц, но не более сего [13 л. 35–36].

Таким образом, размер индивидуально дозволенного Н. Эпштейну пособия от родных был определен путем конвертации размера пособия для политических поселенцев в ассигнациях на 1826 г. по их курсу к серебру на 1854 г., т. е. пособие в 1000 руб. ассигнациями оказались равным 300 руб. серебром в год или 25 руб. серебром в месяц. Следом же, по такому решению, генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель отношением от 11 декабря 1863 г. в III Отделение представил на рассмотрение вопрос о размере пособий от родственников ссыльным политическим преступникам на основании все тех же правил, сообщенных начальником Главного штаба Его Императорского Величества к бывшему генерал-губернатору Западной Сибири от 29 сентября 1826 г. за № 1532 [13 л. 40–41 об.]. Дюгамель не ходатайствовал о пособиях от родных для ссыльнокаторжных, но главный начальник III Отделения, князь Долгоруков, рассматривая возбужденный Дюгамелем вопрос, счел нужным включить к рассмотрению возможность такого пособия для политических каторжных, в том размере, как это ранее было принято в отношении Н. Эпштейна [13 л. 56–60]. По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел Валуева от 7 января 1864 г. за № 32 размер пособия для находящихся в каторжных работах политических был высочайше утвержден. Кроме того, определялось, что

...женам же, прибывшим с преступниками сего разряда, разрешить получение пособия на их содержание, по усмотрению местного Генерал Губернатора... [а] ...из денег, получаемых на пути следования преступников, выдавать им лишь то количество, какое будет признано действительно необходимым для них: на одежду и другие крайние надобности; остальные, за тем, деньги отсылать к Начальникам тех губерний, куда следуют преступники [13 л. 69–70].

Таким образом, с вступлением в силу вышеуказанных правил, не только впервые было официально разрешена выдача на руки политическим каторжным денег из их личных средств, но и определена конкретная сумма для выдачи.

Деньги, получаемые в виде безвозмездной помощи от товарищей. К вполне законным источникам личных средств можно отнести и деньги, получаемые политическими каторжными от своих товарищей, как во время этапирования, так и в период пребывания на каторге. Такая помощь могла быть и разовой, и постоянной, в данном контексте нас больше интересует постоянная или долговременная финансовая поддержка товарищей. Как правило, такая поддержка не была широко применяема и в условиях каторги, и в условиях ссылки – слишком дорого было значение собственных денег для каждого. Бывало, как отмечал Л. Жихлинский, что деньги просто нагло вымогались нищими союзниками у богатых товарищей по неволе, которым было сложно отказать оказавшимся в глубокой нужде соотечественникам [16 s. 36].

Безвозмездная помощь товарищей, кроме вышеуказанного, существовала в форме соучастия в личных средствах более богатого товарища его земляков или друзей. В обход ограничений, по снисходительности коменданта, сверх полученных сумм, по личной письменной просьбе каторжника к администрации, определенная сумма могла быть выдана из его средств другому каторжнику, но как разовая акция. Примером такого рода постоянного вспомоществования является поддержка своих земляков итальянцем Луиджи Кароли, о чем автор статьи уже писал ранее [17]. Кароли на протяжении всего времени, с самого момента пленения в мае 1863 г. и до своей смерти на каторге в Кадае в июне 1865 г., поддерживал своих шестерых соотечественников личными деньгами. Военный губернатор Забайкальской области Н.П. Дитмар во время своей инспекции в Петровский завод, узнав, что Кароли таким образом из своих личных средств поддерживает соотечественников, дал негласное распоряжение коменданту завода сотнику Н.П. Разгильдееву, сверх положенного законным порядком, выдавать Кароли ежемесячно по 75 руб. Это был исключительный случай. После перевода итальянцев в ведение Нерчинского коменданта в Александровский завод, а затем в Кадаю, комендант Нерчинских заводов генерал М.С. Шилов педантично ограничил выдачу денег Кароли в размере, установленным законом. Опять же в порядке исключения стало разрешение, которого брат Луиджи Кароли Бернардо Кароли добился для брата уже перед самой его смертью, – выдавать итальянцу из личных денег ежемесячно по 200 руб. (sic!) лично через генерал-губернатора М.С. Корсакова. Это были огромные деньги не только для каторжника, но преждевременная смерть Луиджи не позволила тому в полной мере воспользоваться этим дарованным каторжнику благом.

Деньги, получаемые за общественные работы. Обустраивая внутреннюю жизнь, политические вводили на некоторых каторжных заводах общественно необходимые работы, связанные с уборкой казарм и территории, наполнением баков водой, розжигом котлов и т. п., за выполнение которых платили своим товарищам вознаграждение из общественных касс, упомянутых выше. К примеру, за чистку картофеля платили копейку, за мытье полов – 2 коп., за тяжелые работы, как очистка уборной – 50 коп. [12 с. 34]. Уклониться от выполнения общественных работ было невозможно, поэтому более состоятельные каторжники нанимали своих неимущих соузников вместо себя. К оплачиваемым работам относились также должности повара, пекаря, сидельца в артельной лавке. Размер вознаграждения таким лицам составлял 3 руб. в месяц [18 с. 73, 81].

Деньги, получаемые за оказание услуги богатым сотоварищам – «каторжная прислуга». Среди польских политических каторжников имелось достаточное число состоятельных людей: графы Чапский, Кассовский, Бнинский, Суминский, также уже упомянутый выше Н. Эпштейн и другие. Вся эта каторжная аристократия, привыкшая в прошлой обывденной жизни к прислуге, нанимала себе в услужение сотоварищей по каторге из низших сословий за определенное вознаграждение. Эти факты в мемуарных источниках авторами стыдливо упоминаются вскользь, и, несмотря на то, что товарищи довольно косо смотрели на такие барские замашки ясновельможных панов, богатые оправдывали это тем, что дают средства для жизни бедным. Эта каторжная прислуга стирала богатым белье, готовила им отдельно обеды, пекла булочки, ухаживала за их огородами, выполняла всю грязную и необходимую для них работу [9 с. 159; 12 с. 65, 98; 16 с. 62].

Деньги, получаемые займы у товарищей. При недостатке денежных средств среди политических каторжных в обиходе было давать товарищам деньги займы. Редкими были случаи ростовщичества, такое поведение чаще всего пресекалось соузниками. Среди архивных документов есть факты, свидетельствующие о такой взаимопомощи. Так, итальянец А. Джуппони, узнав о своем переводе из Александровского завода в Кличинский рудник, обращается с ходатайством к Нерчинскому коменданту сообщить его соотечественнику Луиджи Кароли, чтобы тот помог ему оплатить долг 30 руб. серебром А. Красовскому [19 л. 376]. После смерти того же Л. Кароли, 8 июня 1865 г., оказалось, что тот имел широкий круг заимодавцев среди своих товарищей по каторге, в числе которых он остался должен: 30 руб. – Ш. Токаржевскому, 18 руб. – К. Гессу, 20 руб. – Л. Шмидецкому и 55 руб. – Н.Г. Чернышевскому. После

того как узнали, что, по желанию родственников умершего, брата Бернардо Кароли и сестры графини Элизы Альярди, оставшиеся по его смерти у Нерчинского коменданта 274 руб. 65¼ коп. те хотели бы разделить между его бедствующими шестью соотечественниками, указанные заимодавцы отказались от своих претензий в пользу иностранцев [17 с. 46].

Полулегальные и незаконные источники личных денежных средств

Деньги, полученные займы или в кредит от местных жителей. В таких случаях заимодавцами, как правило, выступали местные чиновники или купцы. В отношении итальянца Л. Кароли документально известно, что на пути следования он получил займы в г. Томске 300 р. от статского советника Асташова [17 с. 46], а в г. Красноярске 300 руб. от городского головы Кузнецова [13 л. 28]. А в письме к своему брату в мае 1865 г. из Кадаи Кароли писал:

Я получил письмо, где говорится, что мне будут каждый месяц высылаться 200 рублей. Эта сумма, если бы я здесь был один, была бы достаточна, но тут со мной соотечественники, которые нуждаются в деньгах. Мне нужно иметь еще 300 рублей, что необходимо, чтобы оплачивать также кое-какой долг, по которому я заключил договор на год [1 р. 122].

Конечно, такие случаи были нечасты, о сделках такого рода мало что или даже почти ничего неизвестно.

Деньги, полученные безвозмездно от сторонних лиц. К такому случаю, относящемуся к разряду исключительно единичному, в виде примера, можно привести случай с Б. Дыбовским в г. Чите, получившим в дар в знак расположения и за оказанные медицинские услуги от «читинского бомонда», инкогнито, кроме разного рода необходимых вещей и провианта, 200 руб. серебром. Б. Дыбовский вспоминал:

...когда я согласился принять такой подарок, я не ожидал в целом такой значительной суммы, я думал рублей 50, максимум 100 рублей банкнотами; вот было максимум, какой я мог ожидать [12 с. 132].

Деньги, полученные от друзей и родственников нелегальным путем. Нелегальным путем деньги пересылались прежде всего по

почте на имя кого-либо из местных жителей, которые соглашались на эту роль для передачи денег политкаторжанам, по-видимому за процент, точных данных на этот счет нет. Л. Зелёнка вспоминал в своих мемуарах:

Эпштейн, получая различными путями из дома значительные пособия, делил их с нами справедливо по-братски [9 s. 41–42].

Л. Кароли, пытаясь нелегально получить деньги, пишет брату с каторги эзоповым языком:

Господин, который передаст тебе эту записку, остается в Европе до мая месяца и после возвращается сюда. Попытайся встретиться с ним. Он даст тебе rendez-vous в Галиции. Свяжись с ним ради кое-чего для меня. Если ты не сможешь встретиться с ним, по поводу денег, поручи другому. Выдай из моего имущества пожертвование, если потребуется. Дай ему 2 тысячи рублей. Надеюсь, что он поможет тебе решить кое-что для меня. Свяжись с ним и постарайся сделать пожертвование, повторяю тебе [1 p. 119].

Деньги, полученные от продажи собственной продукции через артельные лавки или через личные каналы. При каторжных заводах политические заключенные для собственных нужд и на продажу местному населению производили в организованных ими мастерских разные мелочные товары: нити, пуговицы, мыло и даже колбасы, крутили папиросы, вырезали безделушки и курительные трубки, и т. п. Весь этот произведенный товар выставлялся в мелочных лавках при тюрьмах, открытых по согласованию с тюремным начальством за определенную плату. Все это производство и торговля было делом полуполезальным, запрещенным законом, но начальство смотрело на это с одобрением – заключенные были заняты делом, производили нужную продукцию, добывали себе средства для пропитания, делились с начальством, не бунтовали, вели себя покладисто. Такое послабление в руках начальства было инструментом управления каторжниками. Подобные лавки организовывались в складчину. Средства вырученных от продажи изделий за вычетом 10%, часть из которых шла в общую кассу, часть на оплату «аренды» начальству, поступали в личное распоряжение умельца. Особо широко такое производство и торговля были поставлены в Александровском заводе. По воспоминаниям П.Д. Баллода, ему удалось крепко поставить розничную торговлю продуктами питания:

Мы, например, брали чай местами, и фунт обходился нам около 90 к., а отдавали его по 96–98 к. Начальство брало этот же чай в лавках по 1 р. 50 к., и когда оно узнало, что это один и тот же чай, то, понятно, стало брать его у нас. Летом свежее мясо нельзя было нигде больше получить, кроме как у нас, и мы отдавали его по 2 р. – 2 р. 40 к. пуд, тогда как в Заводе его можно было получить только случайно рубля за четыре [8 с. 154.]

Деньги, получаемые от продажи казенного имущества. Продажа казенного имущества каторжниками было делом широко распространенным, но не просто запрещенным, а жестко караемым по закону. Но таковы были сибирские порядки, и казенное имущество, как кандалы, так и арестантская одежда, были предметом коммерческого оборота. Кандалы некоторыми политическими продавались местному населению сразу же по приходу в каторжный завод по 15 коп. [9 с. 154], каторжная одежда, кому за ненадобностью, или в дни, когда было совсем трудно с деньгами, тоже становилась объектом продажи. Э. Андреоли, вспоминая о своем пребывании в Кадае, писал:

Мы должны были продавать мало-помалу всё, что у нас оставалось. Вещи, которые были более всего дороже, но еще более сложным было обеспечить себя деньгами с продажи этих вещей. Казенная шуба продавалась за 2 рубля, «бродни» – 75 к., рукавицы – 35 к., обшлагы – 25 к., пара кальсон – 24 к., жилет – 50 к., пара чулок – 50 к., дорожный мешок – 60 к. <...>, еврей скупил по низкой цене, и не всё. Учитывая, что те, кто продавал для нас вещи, были солдат и вор, они начали с похода в кабак за наш счет, после мы должны были дать им еще денег за их беспокойство [15 р. 85–86].

Нехватка кандалов и отсутствие арестантской одежды вели к тому, что на каторжных заводах многие ходили не закованными и почти все поголовно в своей одежде. Начальство подходило к вопросу прагматически. Л. Менжинский вспоминал, что, когда пришел срок выходить на поселение,

...вызванный кузнец расковал нас из кандалов, а те, кто «потерял» кандалы, должны были заплатить за них по 40 копеек [18 с. 79].

Деньги, получаемые из общественных касс при выходе на поселение. Наконец, источником собственных денежных средств были пособия, выдаваемые из общей кассы, упоминаемой выше, при выходе товарища из каторги на поселение. С этой целью в общей кассах создавался особый, неприкосновенный фонд [18 с. 81].

Заключение

Из выявленного выше круга источников личных денежных средств политических ссыльнокаторжных видно, вне всякого сомнения, что казенное содержание политических каторжных 60–70-х гг. XIX в., на Нерчинской каторге, определенное им по арестантской табели, было не только недостаточным, но и с трудом могло обеспечить разве что нищенское существование, и недостаточность его покрывалась личными деньгами политических. Поэтому, с одной стороны, разрешение правительством вопроса о возможности политическим ссыльнокаторжным пользоваться личными денежными средствами и получать пособия от родных стало значительной либерализацией ранее существующих условий содержания и облегчением их материального положения. С другой стороны, «либеральный» подход к условиям содержания местных властей позволил политическим каторжным, кроме получения указанных денег, иметь доходы и от хозяйственной деятельности. Два эти важных фактора вместе с мизерным, но стабильным, казенным содержанием позволили им вполне сносно существовать в условиях этой карательной системы.

На сегодняшний день нет точных данных об общих размерах ни пособий от родных, ни доходов от хозяйственной деятельности политических каторжников, но можно привести ряд цифр. По документально подтвержденным данным Л. Кароли за неполные два года пребывания на каторге было получено 2500 руб. [17 с. 34], если учесть, что таких состоятельных каторжников было более десятка, то только на их долю могла приходиться сумма в 15–20 тыс. руб. в год. Так как доля политических каторжников из привилегированных сословий, а, следовательно, вполне обеспеченных людей, составляла более половины от всего контингента, и они также с более или менее определенной регулярностью получали денежные переводы, пусть даже небольшие, общая сумма таких переводов, по нашему предположению, могла составлять до 70 и более тыс. руб. в год.

Из квитанций, выданных Нерчинским комендантом при передаче дел, видно, что на 21 ноября 1865 г. на балансе у коменданта было на 360 чел. 2725 руб. 90 коп. из собственных денег каторжников, а в апреле 1867 г. на 465 чел. 1738 руб. 55¾ коп. [13 л. 189, 214], что в среднем значении дает 5,4 руб. на человека. При общей численности политических каторжных во всех каторжных заводах Забайкальской области до 1500 чел. сумма собственных средств последних на балансах комендантов могла доходить с учетом среднего значения до 7500 руб. ежемесячно. При общих годовых затратах на содержание политических в каторгах Восточной Сибири за 1870 г.

в 71 000 руб. на 820 чел. [13 л. 451–451об.] мы получаем значение 7,22 руб. в месяц на человека, что сопоставимо с материальной помощью каторжным от родственников, а с учетом иных указанных нами источников собственных средств, такие средства вполне могли превышать сумму казенных затрат. Выяснение общего объема материальной помощи политическим ссыльнокаторжным в указанный период остается пока последующей исследовательской задачей.

Ссылка в каторгу как более тяжкое наказание как в физическом, так и в материальном отношении чаще на деле была для политических преступников куда более легкой карой, нежели несравнимо мягкие наказания, согласно закону, такие как ссылка на поселение или в арестантские роты. В марте 1865 г. во всеподданнейшей записке о политических преступниках генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, указывая на положение сосланных на поселение, лишенных казенного пособия, пишет:

Не получая никакого пособия ни от казны, так как для этого нужны особые физические условия, ни от родных своих, они жили в минувшем году в банях и зимовьях, не имея ни одежды, ни пищи. <...> В наступившее холодное время оные ходят за несколько верст к тому товарищу, у которого случится что-нибудь поесть, и того же дня возвращаются домой. <...> Положение их было бы несравненно лучше, если бы назначены были в каторжные работы: тогда, по крайней мере, они имели бы теплый угол, соответственную времени года одежду, а главное кусок хлеба [20 л. 193об. – 194].

Литература

1. *Zanchi A.* Il Damma di Luigi Caroli. Bergamo: Instiuto Italiano d'Arti Grafiche, 1936. 152 p.
2. *Skok H.* Polacy nad Bajkalem: 1863–1883. Warszawa, 1974. 335 s.
3. *Kaczyńska E.* Syberia największe więzienie świata, Warszawa: Warszawska oficyna wydawnicza Gryf, 1991. 385 s.
4. *Мошкина З.В.* Нерчинская политическая каторга: вторая половина XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. 210 с. (РГБ)
5. *Мошкина З.В.* Политическая каторга в России и социально-психологический облик политкаторжан: Дис. ... д-ра ист. наук. М., МГПУ, 1999. 368 с. (РГБ)
6. Нерчинская каторга в середине 1860 – середине 1890-х годов // Политическая ссылка в Сибири: Нерчинская каторга. Т. 1. Вып. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. С. 143–234.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 эксп. III отд. 1863 г. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. J.

8. Баллод П.Д. Из жизни в Нерчинских рудниках в 60-х годах: (Воспоминания) // Велескали П.И. Революционер-демократ П.Д. Баллод, Рига: Зинатне, 1987. С. 142–169.
9. Zielonka IJ. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863–1869. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska, 1906. 315 s.
10. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 31. Оп. 1. Д. 3310.
11. Шостакович Б.С. Сибирские годы Юзефата Огызко // Ссылные революционеры в Сибири. Вып. 2. Иркутск: Изд. ИГУ, 1974. С. 11–53.
12. Dybowski B. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 623 s.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 эксп. III отд. 1863 г. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. А.
14. Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник военнопленного, 1863–1867 / Пер. А.С. Гулина. Чита: Экспресс-издательство, 2011. 327 с.
15. Andreoli E. Diario di Emilio Andreoli // Zanchi A. Il Dramma di Luigi Caroli. Bergamo: Instiuto Italiano d'Arti Grafiche, 1936. P. 37–69, 73–102, 104–107, 151–152.
16. [Żychliński L.]. Przygody więźnia politycznego zesłanego do kopalni nerczyńskich w Syberyi na lat 20 do tacek. Poznan: Czcionkami i w komisie W. Simona, 1884. 81 s.
17. Гулин А.С. Гарибальдийцы в Январском польском восстании и на Нерчинской каторге 1863–1867 гг. // Андреоли Э. Из Польши в Сибирь: дневник военнопленного, 1863–1867. Чита: Экспресс-издательство, 2011. С. 9–67.
18. Mężyiński L. Wspomnienia z powstania styczniowego i syburskiej katorgi, 1863–1869. Tarnopol: Koło Towarzystwa Szkoły Ludowej, 1910. 164 s.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 эксп. III отд. 1863 г. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341. Лит. Е.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. 1 эксп. III отд. 1863 г. Оп. 38. Д. 23. Ч. 341.

References

1. Zanchi A. Il Dramma di Luigi Caroli. Bergamo: Instiuto Italiano d'Arti Grafiche Publ.; 1936. 152 p.
2. Skok H. Polacy nad Bajkałem: 1863–1883. Warszawa, 1974. 335 p.
3. Kaczyńska E. Syberia największe więzienie świata, Warszawa: Warszawska oficyna wydawnicza Gryf Publ.; 1991. 385 p.
4. Moshkina ZV. Nerchinsk political prison: the second half of the XIX century: Dis. ... kand. ist. nauk. M., MSPI named after V. I. Lenin Publ.; 1984. 210 p. (In Russ.)
5. Moshkina ZV. Political prison in Russia and the socio-psychological face of political prisoners: Dis. ... doctora ist. nauk. M., MSPU Publ., 1999. 368 p. (In Russ.)
6. Nerchinsk katorga in the mid-1860's – mid-1890's. V: *Political exile in Siberia. Nerchinsk penal servitude*. Vol. 1. Issue 2. Novosibirsk: The Siberian Chronograph Publ.; 1993. p. 143-234. (In Russ.)

7. State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fond 109. 1 ekspeditsiya. III otdelenie. 1863. Opis' 38. № 23. Chast' 341. Lit. J. (In Russ.)
8. Ballod PD. From life in the Nerchinsk mines in the 60's (Memoirs). V: *Veleskali PI. Revolutionary Democrat P.D. Ballod*. Riga: Zinatne Publ.; 1987. p. 142–69. (In Russ.)
9. Zielonka LJ. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863–1869. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska Publ.; 1906. 315 p.
10. State Archive of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fond 31. Opis' 1. № 3310. (In Russ.)
11. Shostakovich BS. Siberian years Yuzefat Ogizko. V: *Revolutionary exile in Siberia*. Issue 2. Irkutsk: ISU Publ.; 1974. p. 11-53. (In Russ.)
12. Dybowski B. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich Publ.; 1930. 623 p.
13. State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fond 109. 1 ekspeditsiya. III otdelenie. 1863. Opis' 38. № 23. Chast' 341. Lit. A. Лит. А. (In Russ.)
14. Andreoli E. From Poland to Siberia: a diary of a prisoner of war 1863–1867. Chita: Ekspres Publ.; 2011. 327 p. (In Russ.)
15. Andreoli E. Diario di Emilio Andreoli. V: Zanchi A. Il Dramma di Luigi Caroli. Bergamo: Istituto Italiano d'Arti Grafiche Publ.; 1936. p. 37-69, 73-102, 104-07, 151-52.
16. [Żychliński L.]. Przygody więźnia politycznego zesłanego do kopalni nerczyńskich w Syberyi na lat 20 do tacek. Poznan: Czcionkami i w komisie W. Simona Publ.; 1884. 81 p.
17. Gulin AS. Garibaldytsy in the January Polish uprising and the Nerchinsk penal servitude of 1863–1867. V: Andreoli E. *From Poland to Siberia: a diary of a prisoner of war 1863–1867*. Chita: Ekspres Publ.; 2011. p. 9-67. (In Russ.)
18. Мężыński L. Wspomnienia z powstania styczniowego i syburskiej katoggi, 1863–1869. Tarnopol: Koło Towarzystwa Szkoły Ludowej Publ.; 1910. 164 p.
19. State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fond 109. 1 ekspeditsiya. III otdelenie. 1863. Opis' 38. № 23. Chast' 341. Lit. E. (In Russ.)
20. State Archives of the Russian Federation (GA RF). Fond 109. 1 ekspeditsiya. III otdelenie. 1863. Opis' 38. № 23. Chast' 341.

Информация об авторе

Алексей С. Гулин, соискатель степени кандидата исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; asgulin@mail.ru

Information about the author

Aleksei S. Gulin, postgraduate degree seeker, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; asgulin@mail.ru